

МИФЫ
ЯЗЫЧЕСКОЙ
СКАНДИ-
НАВИИ

ВЛАДИМИР ПЕТРУХИН

**Мифы
языческой
Скандинавии**

ЯУА

МОСКВА

УДК 293.11
ББК 84(2)4
ПЗ1

Петрухин, Владимир Яковлевич.
ПЗ1 Мифы языческой Скандинавии / Владимир Петрухин. — Москва : Эксмо, Москва : Яуза, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-176681-8

Как скандинавы сохранили свои языческие мифы? Почему скандинавская мифология так популярна в мире? Книга известного специалиста по мифологии и Средневековью В.Я. Петрухина знакомит читателя с картиной мира скандинава-язычника. Используя Эдду и саги, памятники древнего изобразительного искусства и религиозного культа, открытия археологов, автор реконструирует верования скандинавов. Культура германцев в эпоху Великого переселения народов и скандинавов была тесно связана с культурой славян и Руси, поэтому в книге сопоставлены мифы и предания скандинавов и Древней Руси.

Автор рассказывает о том, как скандинавы видели Небесный Асгард и земной Мидгард, Утгард — мир «за оградой», описывает скандинавский пантеон и строительство Асгарда, жертвоприношения и почитание богов, погребальные ритуалы, колдовство и прорицание.

В книге также рассматриваются скандинавские сказания о первых русских князьях: смерть Вещего Олега и «Сага об Одде Стреле», князе-волке Игоре и легенды о Хаконе Добром и Олаве Трюггвасоне, а также место древнего мифа в современной цивилизации.

УДК 293.11
ББК 84(2)4

ISBN 978-5-04-176681-8

© Петрухин В.Я., 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2023
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Предисловие

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ «Мифы древней Скандинавии» вышло в 2003 г. в издательстве «Астрель», АСТ. Автор, занимающийся скандинавскими и русскими древностями из российских раскопок, прежде всего — в Гнёздове (Смоленск), с благодарностью вспоминает руководителей раскопок Д. А. Авдусина (1918–1994) и Т. А. Пушкину (1945–2020). Мне посчастливилось сотрудничать с А. Я. Гуревичем (1924–2006) и Е. М. Мелетинским (1918–2005), С. А. Токаревым (1899–1985), обсуждая с ними специфику соотношения скандинавской мифологии и дохристианской обрядности. Неоценимым остается сотрудничество с зарубежными коллегами-скандинавистами — И. Янссоном (Швеция), А. Стальсберг (Норвегия), В. Дучко, Л. Слупецким (Польша), отечественными специалистами по скандинавским древностям — О. А. Смирницкой, Е. А. Мельниковой, Т. Н. Джаксон, Ф. Б. Успенским.

Интерес к уникальному феномену мировой культуры — скандинавской мифологии, равно как и к поражающему воображение периоду мировой истории — эпохе викингов постоянно возрастает, что способствует изданию многочисленных работ,

посвященных древним скандинавам. К наиболее примечательным относятся переиздания основных памятников древнеисландской литературы — «Старшей Эдды» и саг, новые переводы и критические издания — «Исландские пряди», подготовленные Е. А. Гуревич (1957–2018), «Саги о Кнютлингах», изданной Т. Н. Джаксон и др. Под редакцией Ф. Б. Успенского издана и фундаментальная «Германская мифология» Якоба Гримма, положившая основу изучения скандинавской мифологии и сравнительной мифологии в целом; к классическим старым собраниям мифов и легенд можно отнести книгу английского мифолога середины XIX в. Бенджамина Торпа «Нордическая мифология», опыт проникновения в духовный мир викингов В. Грэнбека («Эпоха викингов: Мир богов и мир людей в мифах северных германцев»). Особый интерес у русского читателя могут вызвать книги классика скандинавской и славянской филологии А. Стендер-Петерсена «Варангика» (под ред. Е. А. Мельниковой), и авторов современных раскопок в Гнёздове В. В. Мурашевой и С. Ю. Каинова «Викинги: путь на Восток», посвященные поискам места варягов в начальной культурной истории Руси. Список рекомендуемых книг с выходными данными приводится в приложении к этому изданию.

*Особую благодарность
за помощь в подготовке рукописи к печати
автор выражает О. В. Беловой.*

Введение

*Исторический пролог. Терманцы и Великое
переселение народов. Терманские боги.*

Переселенческие сказания

ДЛЯ ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ Греции и Рима Германия — нынешние земли между Рейном и Эльбой — и Скандинавия были окраиной ойкумены, заселенного людьми пространства. Дальше был только бесконечный мировой океан, со всех сторон омывающий землю; Скандинавию античные географы вообще считали островом — полулегендарной страной Туле. До начала новой эры ходили легенды, что лишь один человек, хитроумный Одиссей, достиг северного берега Океана.

Греки и римляне считали народы, обитающие вне их цивилизации с развитой городской культурой и письменностью, «варварами», лишенными не только настоящей культуры, но и членораздельной речи, способными лишь на невнятное бормотание («барбар»). Это представление было наследием еще более древней, первобытной эпохи, когда иноплеменники считались не только чужими, но и заведомо враждебными «своему» народу людьми. Мир гре-

ков и римлян был «средиземным» — остальное было окраинным, периферийным, варварским. Но смысл развития цивилизации заключался в том, чтобы первобытные племенные перегородки рушились: Великая греческая колонизация Средиземноморья, а затем фаланги Александра Македонского и, наконец, римские легионы разрушили не только границы древних цивилизаций Ближнего Востока, но и замкнутые племенные мирки «варварской» Европы.

Разница между героями античного эпоса и суровыми воинами германских саг красноречиво обрисована С. С. Аверинцевым:

«Герои Гомера и трагедии то и дело проливают обильные слезы, чаще всего над самими собой, но иногда и над чужим горем. Надо сказать, что они делят с персонажами Ветхого Завета свойство южной чувствительности и впечатлительности (присущее также крещеным византийским потомкам эллинов): суровые нордические герои „Саги о Вольсунгах“ или „Песни о Нибелунгах“ скорее всего, наши бы Ахилла неженкой и плаксой».

Римляне быстро убедились на практике, что варвары — это очень разные народы, обладающие собственными культурой и языком. Современная наука во многом остается наследницей того, что узнали и поняли об этих народах древние авторы. В частности, античные историки и географы различили две крупные общности народов Западной Европы — кельтов (галлов) и германцев, и до сих пор это деление на народы, говорящие на кельтских и германских языках, принято в языкознании. Народы современной Германии и Скандинавии — датчане,

шведы, норвежцы, исландцы — говорят на германских языках, сохраняют много общего в традиционной народной культуре. При этом, однако, сами германские народы не именовали себя германцами — это наименование (обозначение — этникон) ввели римские авторы. Сами германцы сохраняли свои племенные имена (этнонимы), в том числе имя «тевтоны», родственное нынешнему самоназванию немцев — «дейч»: оно означало «народ, люди, свои люди» — ведь только свое племя и считалось в первобытную эпоху настоящими «людьми». Еще одно характерное племенное имя сохранилось в названиях стран, расположенных в крайних пределах расселения германских народов: по-германски оно звучало как *свевы*, *свеи*, *свионы*, *семноны*, что означало «свой, соплеменник»; Швеция в Скандинавии и Швейцария в Альпах напоминают о тех германских племенах, которые считали только соплеменников «своими», прочие племена — «чужими». Названия других народов, в том числе северогерманских или скандинавских, часто означает страну, в которой они расселились: норвежцы в древности назывались норманнами (так именовали и всех скандинавов — «северных людей»), исландцы получили название от острова Исландии. Представление о родстве развивалось у германских племен в процессе столкновения с «чужими», прежде всего — римлянами.

ГЕРМАНСКИЕ БОГИ

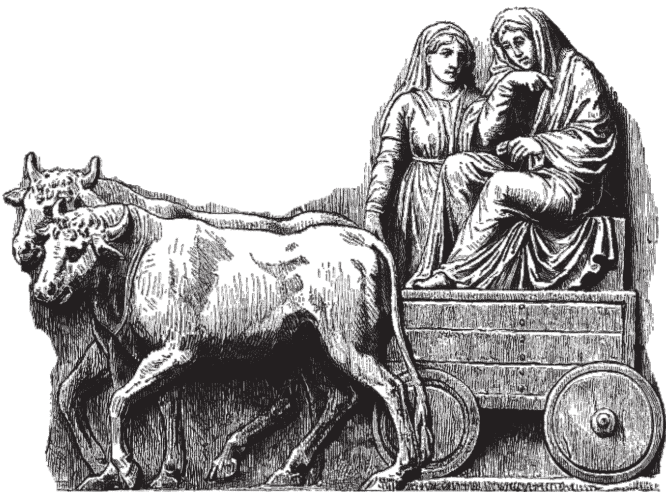
Первым римским автором, который описал обычаи германцев рубежа н. э., был сам покоритель Галлии Гай Юлий Цезарь. «Нравы германцев во многом от-

личаются от галльских нравов: у них нет друидов для заведывания богослужением, и они мало придают значения жертвоприношениям. Они веруют только в таких богов, которых они видят и которые им явно помогают, — именно в солнце, Вулкана и луну: об остальных богах они не знают и по слуху. Вся жизнь их проходит в охоте и военных занятиях... Земледелием они занимаются мало... Ни у кого из них нет определенных земельных участков и вообще земельной собственности: но власти и князя каждый год наделяют землей... роды и объединившиеся союзы родственников, а через год заставляют их переходить через год на другое место. Этот порядок они объясняют разными соображениями;

ГЕРМАНЦЫ / РИМСКИЙ РЕЛЬЕФ

На римском рельефе изображена кочующая германская семья

именно, чтобы в увлечении оседлой жизнью люди не променяли интереса к войне на занятия земледелием, чтобы они не стремились к приобретению обширных имений и люди сильные не выгоняли бы слабых из их владений» («Записки о галльской войне». Кн. VI. 21–22).

Сведения Цезаря могут показаться непонятными современным читателям, так как великий римлянин описывает быт германцев, во-первых, с позиций своей цивилизации: поэтому стихию, которой поклоняются германцы, — огонь — он называет именем римского божества, Вулканом. Во-вторых, Цезарь использует галльскую информацию о германцах, и галлы, как это часто бывает в племенных обществах, считают своих соседей более «дикими», чем свой собственный народ. Возможно, у германцев не было жрецов, подобных кельтским друидам — касте, наделенной сокровенным знанием всех тайн Вселенной, но им был известен и сложный религиозный культ, и жертвоприношения, способные паразитировать воображение античных авторов.

Младший современник Цезаря и Августа великий античный географ Страбон дает сходное описание быта германских племен, многие из которых он уже знает по именам — ведь столкнувшись с римлянами, они стали вести с ними непрерывные войны. Воинский обычай германского племени кимвров Страбон посчитал достойным описания в своей «Географии» (Кн. VII. II. 3): «Передают, что у кимвров существует такой обычай: женщин, которые участвовали с ними в походе, сопровождали седовласые жрицы-прорицательницы, одетые в белые льняные

одежды, прикрепленные (на плечах) застежками, подпоясанные бронзовым поясом и босые. С обнаженными мечами эти жрицы бежали через лагерь к пленникам, увенчивали их венками и затем подводили к медному жертвенному сосуду вместимостью около 20 амфор; здесь находился помост, на который восходила жрица и, наклонившись над котлом, перерезала горло каждому поднятому туда пленнику. По сливаемой в сосуд крови одни жрицы совершали гадания, а другие, разрезав трупы, рассматривали внутренности жертвы и по ним предсказывали своему племени победу».

Это действительно леденящее душу описание едва ли поражало античного ученого своей жестокостью: зритель, привычный к гладиаторским боям, не боялся крови пленных. Скорее, Страбона заинтересовало здесь то, что «варвары»-германцы гадали по внутренностям убитых пленников так же, как римские жрецы-авгуры по внутренностям жертвенных животных.

Образ суровых и воинственных германцев, где даже женщины были подчинены военному быту и воинским культам, сложился в античную эпоху и дожил не только до последнего периода «варварской» эпохи — века викингов с его представлениями о валькириях — девах-воительницах и т. п., но и до позднейших времен «тысячелетнего рейха», когда любование воинскими доблестями дополнилось индустрией уничтожения целых плененных народов... Даже слово, означающее в немецком языке «народ», — «фольк» — относилось не просто к населению страны, а к организованному объединению

людей (ему родственно заимствованное славянами у германцев слово «полк»). Этот воинственный образ был ярким, но во многом поверхностным.

Уже римский историк Корнелий Тацит в конце I в. н. э. писал о том, насколько был противоречив быт германских варваров: «Когда они не ведут войн, то много охотятся, а еще больше проводят время в полнейшей праздности, предаваясь сну и чревоугодию, и самые храбрые и воинственные из них, не неся никаких обязанностей, препоручают заботы о жилище, домашнем хозяйстве и пашне женщинам, старикам и наиболее слабосильным из домоладцев, тогда как сами погрязают в бездействии, на своем примере показывая поразительную противоречивость природы, ибо те же люди так любят безделье и так ненавидят покой» (О происхождении германцев. Глава 15). «Беспробудно пить день и ночь ни для кого не постыдно, — продолжает Тацит (глава 22). — Частые ссоры, неизбежные среди предающихся пьянству, редко когда ограничиваются словесною перебранкой и чаще всего завершаются смертоубийством или нанесением ран». Эта «бытовая подробность» имеет самое роковое продолжение в скандинавской мифологии: на пиру богов во время перебранки, затеянной злокозненным богом Локи, самими богами нарушается священный мир, и это приводит к гибели богов.

Мир, мирные отношения, особенно между «своими» соплеменниками, были не менее значимы для германцев, чем война. Мирные дела обсуждались на ритуальных пиршествах, поэтому нарушение мира во время пиров считалось тяжким преступлени-

ем. «По большей части на пиршествах они толкуют и о примирении враждующих между собою, о заключении браков, о выдвигании вождей, наконец о мире и о войне», — пишет Тацит.

Тот же римский историк объяснил, почему женщины так активно участвовали в военных предпрятиях и культах германцев. «Как рассказывают, неоднократно бывало, что их уже дрогнувшему и пришедшему в смятение войску не давали рассеяться женщины, неотступно молившие, ударяя себя в обнаженную грудь, не обрекать их на плен, мысль о котором, сколь бы его не страшились для себя воины, для германцев еще нестерпимее, когда дело идет об их женах... Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями. В правление божественного Веспасиана (римский император I в. н. э. — В. П.) мы видели среди них Веледу, долгое время почитавшуюся большинством как божество» (Там же. Глава 8). Она жила в высокой башне, доступ в которую имели только ее родичи, передававшие пророчице вопросы тех, которые желали знать о грядущем. Мы сами еще увидим в скандинавских мифах пророчицу, которая носила сходное имя — вёлва — и предрекала грядущие судьбы мира и богов.

Но уже сейчас понятно, что Тацит гораздо больше знал о германцах, чем Цезарь. В сочинении, специально посвященном происхождению германцев, историк первым рассказывает собственно германские мифы: «В древних песнопениях — а гер-

манцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы, — они славят порожденного землей бога Туисто. Его сын Манн — прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по имени которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине — гермионами, все прочие — истевонами. Но поскольку старина всегда доставляет простор для всяческих домыслов, некоторые утверждают, что у бога было большее число сыновей, откуда и большое число наименований народов, каковы марсии, гамбривии, свебы (свевы), вандилии, и что эти имена подлинны и древние».

Тацит был настоящим историком, и критически подходил к тем рассказам, которые передавали ему о германцах. Однако и другой римский автор — старший современник Тацита Плиний Старший — упоминал те же три группы германских племен (к ингевонам он относил уже знакомых нам кимбров и упоминавшихся тевтонов). Но дело не только в этом дополнительном свидетельстве. Дело в том, что во многих мифологиях народы мира происходят от трех родоначальников: самая известная генеалогия народов мира — библейская, согласно которой все народы происходят от трех сыновей Ноя, единственного человека, спасшегося после всемирного потопа. В германском мифе имя Манн означает просто «человек» — это Первочеловек (сродни библейскому Адаму), но его предком было уже божество. Эта мифология, связывающая генеалогически, родственными связями, богов и людей, свойственна архаическому родоплеменному обще-

ству — библейский Бог был творцом, а не предком человечества.

«Порожденный землей» бог Туисто также носил характерное имя: оно означало «двойник, близнец», указывало на двойственную природу божества. Сходный персонаж известен в скандинавской мифологии, и благодаря тому, что о нем рассказано в скандинавских мифах, мы можем понять, почему прародитель человечества должен был обладать двойной природой. Великан Имир, из тела которого был создан весь мир, также носил имя «двойственного» существа: под мышками у него родились первые люди, мальчик и девочка, а ноги также породили сына. Это значит, что первое человеческое существо, прародителя людей, представляли как гермафродита (или андрогина — таким существам посвящена недавно переведенная книга М. Элиаде «Мефистофель и андрогин») — ведь ему (в отличие от библейского Адама) не у кого было попросить себе пару.

На эту двойственную природу указывает и имя одного из племенных объединений германцев — ингевоны: его первопредком считался бог Инг, имя которого напоминает прозвание одного из главных богов скандинавского пантеона, Ингви-Фрейра. Этот бог земного плодородия имел сестру-близнеца по имени Фрейя, которую попрекали кровосмесительными связями с братом (в мире богов — мире сверхъестественного — позволялось то, что было недопустимым в мире людей). От Ингви-Фрейра происходил скандинавский королевский род Инглингов, потомками которого считали себя

«исторические» конунги Норвегии и Швеции — этногонический (повествующий о происхождении народа-этнoса) и генеалогический мифы продолжали бытовать в германо-скандинавском мире в средневековую эпоху.

Но вернемся в античную эпоху, к работе римского историка Тацита. Он следовал свойственным эпохе традициям и обнаружил у германцев культ самого славного героя греков и римлян — Геркулеса. Этот герой странствовал по всей земле, освобождая ее от чудовищ, и часто оказывался персонажем местных преданий и мифов; так, Геродот считал Геракла предком скифов — народа в Северном Причерноморье. «Говорят, — писал Тацит, — что Геркулес побывал и у них (германцев. — В. П.), и, собираясь сразиться, они славят его как мужа, с которым никому не сравниться в отваге». Отождествление германского божества с Геркулесом — не фантазия римского историка: германцам и скандинавам был известен герой, который подобно Геркулесу сражался с чудовищами, угрожающими людям и богам, и использовал в бою оружие, сходное с палицей античного богатыря. Это был громовержец Донар, скандинавский Тор, вооруженный чудесным молотом-молнией.

Античные историки часто приписывали незнакомым «варварским» божествам имена своих богов, особенно если совпадали их божественные функции. Так и Тацит писал о германцах, что «из богов они больше всего чтят Меркурия и считают должным приносить ему по известным дням в жертву также людей. Геркулеса и Марса они умилоствуют заклятиями обрекаемых им в жертву животных». Кажет-

ся странным верховенство Меркурия в германском пантеоне: ведь у римлян этот вестник богов был «на побегушках» — на вторых ролях. Но если вновь обратиться к более поздней — записанной в средние века — скандинавской традиции, то выяснится, что верховным божеством у скандинавов был Óдин, германский Вотан, отличавшийся способностью проникать во все области мироздания, и поэтому напоминающий вестника богов в античной традиции; ему действительно приносили в жертву людей. Был известен и день, посвященный этому богу, — среда до сих пор именуется в германских языках днем Одина-Вотана (англ. Wednesday), в римском календаре это был день Меркурия. Труднее разделить функции Геркулеса и Марса, ибо и тот, и другой у германцев должны были почитаться как боги войны. Выясняется, однако, что у скандинавов был «специализированный» бог войны и права — Тюр (германский Тиу, или Тивац), которому также был посвящен собственный день недели — вторник (англ. Tuesday) — день Марса, тогда как громовержцу — римскому Юпитеру, германскому Донару-Тору был посвящен четверг (англ. Thursday). Впрочем, всякое божество в эпоху бесконечных войн имело отношение к воинским культам. В другом своем сочинении — *Анналах*, где рассказывается о войнах Рима с германцами, Тацит (не без удовлетворения, поскольку речь идет о распре у врагов) сообщает о том, как два германских племени вступили в сражение из-за богатой солью пограничной реки: перед битвой каждое племя посвятило вражеское войско Марсу и Меркурию — все живое, и люди, и скот, должно

быть истреблено победителями, принесено в жертву божеству.

У историка Орозия, работавшего в V в., сохранилось описание такого жертвоприношения. Его совершили после одержанной крупной победы уже знакомые нам кимвры в начале II в. В соответствии со своим диким обетом они стали уничтожать всю захваченную ими огромную добычу. Одежды были разрываемы на куски, золотые и серебряные украшения — предмет главного вождения варваров — выбрасывались в реку, конское снаряжение ломалось на части, а самих лошадей топили в водоворотах; пленников же вешали на деревьях. И не было добычи для победителей и пощады для побежденных, — пишет Орозий.

«Варварство» было не просто метафорой, означающей примитивную культуру соседей античной цивилизации: античное рабство, гарантировавшее жизнь пленникам, было все же лучше, чем племенной героизм.

Загадочным для Тацита остался культ свевов (или свебов): «Часть свебов совершает жертвоприношения и Изиде; в чем причина и каково происхождение этого чужестранного священнодействия, я не мог в достаточной мере выяснить, но, поскольку их святыня изображена в виде либурны, этот культ, надо полагать, завезен к ним извне». Действительно, египетская богиня Изида была популярна в Риме, пантеон которого включал богов всех провинций империи. Но как он мог распространиться у германцев, противников римлян? Либурна — легкое римское судно, ладья. Чудесный корабль Скидбладнир

(сложенный из тончайших досок), который может быть свернут как платок, — атрибут уже упомянутого скандинавского бога Фрейра: отцом этого бога и его сестры Фрейи в скандинавском пантеоне считался бог морской стихии Ньёрд. Все это наводит на мысль о том, что под почитанием Изиды — сестры и жены египетского бога плодородия Осириса — у германцев следует видеть культ Фрейи или близкого ей женского божества. Миф о таком божестве рассказывает тот же Тацит.

Многочисленные германские племена, живущие возле Балтийского (Севе́ского) моря, которое считалось в древности заливом Океана, все поклонялись матери-земле: ее Тацит именует Нертус или Нерта. Это имя соответствует скандинавскому мужскому имени Ньерд; стало быть, Нерта и Ньёрд образуют пару, напоминающую пару Фрейра и Фрейи. Видимо, отец — воплощение морской стихии — и мать-земля были прародителями этой скандинавской божественной пары.

С Нертой связан исполненный ликования и одновременно ужаса культ. Ее святилище расположено на острове среди океана, в священной роще, где под покровом из тканей таится ее повозка. Только жрец может касаться этой колесницы, и лишь ему известно, когда богиня пребывает в своем святилище. Этот рассказ напоминает библейский мотив скинии Завета — палатки, где хранился священный ковчег: но сходство лишь видимое, в скинии пребывал Дух Божий, у германцев же, судя по дальнейшему описанию, в повозке помещался идол богини — ее изображение, которое отождествлялось с самим божеством.

